

Валерий Леонтьев

5/II-882

Советская власть
г. Новосибирск

5 МАР 1988

АВТОГРАФ

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

Я - просто певец

Сегодня в гостях у «Автографа» Валерий Леонтьев.

— Есть артисты, о которых не спорят (я их называю благополучными): Пьеха, Лещенко, Толкунова... Они известны всей стране, и их, в общем-то, любят. Но любовь эта спокойная такая, знаете, без дискуссий. Ярких поклонников нет. Зато нет и ярких противников. У Леонтьева, кстати, и тех и других хватает. Так что благополучным вас назвать сложно...

— Видите ли, артист всем своим существованием (сценический облик, тематика, истоки музыкального творчества и т. д.) формирует категорию слушателей, которые его принимают. Остальные просто равнодушны. Та же Валентина Толкунова поет, опираясь на фольклор. Тематика ее песен в основном сельская. Кто любит эту музыку, эту тему, любит и Толкунову. Кого она (музыка) не волнует, того не волнует и сама певица. Активное же неприятие рождает какие-то новые непривычные формы. Да, я знаю, что меня многие ругают. И пусть ругают. Понимаете, на стыке этих споров держится некий дух, это рождает определенную энергию... А если когда Леонтьев станет для всех хорошим, у него появятся серьезные шансы стать плохим.

— Вы сказали, Толкунова опирается на фольклор. А вы на что опираетесь?

— Мне трудно ответить односложно. В те годы, когда я пристрастился к музыке (еще не будучи профессионалом), я опирался на ту информацию, которую мы имели. А что мы имели в 60-е годы? Мы имели Магомаева, Пьеху, Ободзинского... Ну, иногда нас баловали «демократами», так их тогда называли (Караклаич, Готт). Скучная была информация. Совсем недавно в «Утренней почте» «Битлз» дали. Двадцать лет понадобилось... То есть я воспитывался на нашей эстрадной музыке и том, что проникало из-за рубежа. Вот на этой своеобразной смеси и вырос. Но я всегда ориентировался на музыку сегодняшнего дня, на эстрадную и популярную музыку. А она есть производная от нашей жизни, ее ритма, от нашего сегодняшнего мироощущения. Чем дальше иду, тем больше и больше опираюсь на ритм.

— Я слышал, что о вас стали поговаривать даже «металлисты»...

— Возможно, хотя то, что я делаю, конечно, не имеет отношения к «металлу». Просто меня влекут какие-то жесткие ритмические конструкции. Да и зрителя, по моему, тянет к такой музыке. Не всех, само собой. Сейчас люди вообще, как никогда, много спорят о музыке. И даже ругаются. Старшее поколение говорит: «Что? Это? Да никогда!..». А молодежь: «Вот наконец-то. Наконец-то и наша музыка зазвучала. А что эти ваши певцы официальные, которых как только праздник, так по телевизору показывают и днем и ночью?! Кому они нужны?!». При чем непримиримые у нас есть спорщики. Ни в чем друг другу уступить не хотят. А я думаю, хоть бы из-за музыки не ссорились. Пусть каждый слушает, что ему нравится. Так ведь нет, считают: мое воззрение самое правильное. Только так и больше никак.

— Вы можете спрогнозировать успех той или иной песни до ее выхода к слушателю?

— Нет, как выяснилось. Когда мы с Паулсом писали пластинку, вышедшую как наш с ним диалог, мы думали, что совсем другие песни станут популярными. И ни мне, ни ему даже в голову не приходило, что успех будет иметь эта простенькая песенка «Зеленый свет», где все бегут, бегут... А публика вот такой выбор сделала.

— Здесь, в Новосибирске, вы довольно интересно работаете. Ходите по трибунам, делаете какие-то труппы, постоянно говорите с публикой, шутите и т. д. Вы именно так представляете современный концерт? Я говорю о взаимоотношениях со зрителем.

— Вообще-то, конечно, сейчас еще практикуются концерты, отличные от того, что идет здесь сегодня. Есть такой концертный зал «Россия». Там определенный контингент людей. Они приходят (солидные такие), вешают свои шубы в гардероб, садятся в мягкие кресла и переваривают (степенно очень) то, что происходит на сцене. Это уже не эстрада (я так считаю). Сейчас происходит отказ от такого рода эстрадных концертов. Когда я уезжал сюда, в Москве, в Лужниках,

начиналась сборная программа, где партера вообще не существует. Билеты продаются только в секторы. Потом люди опускаются к сцене, кому нравится, танцуют, кто не хочет, сидит на месте. Так интереснее работать.

— Приходилось ли вам выслушивать «советы»: это — пой, то — не пой?

— Сколько угодно. И советовали, и не советовали, и просто не давали. В 1985 году отличную песню мне принес композитор Игорь Николаев. А текст там был такой: «Афганский ветер, как взрыв, горяч. Вновь за звездой пятиконечной следит басмач.

Воронка и еще воронка сквозь лет разлом. Зачем стучишься, похоронка, в панельный дом».

Я хотел вообще сделать это под стук сапог. Потрясающая была песня. Я когда первый раз послушал, у меня просто мороз по коже, шок какой-то. Увы, спеть эту песню мне не дали. Так она и не появилась. Умерла...

— Что вы думаете о песнях-миллионерах?

— Ну, миллионерах, наверное, слишком сильно сказано. Но, действительно, есть песни, которые приносят авторам десятки тысяч рублей. Дело в том, если, скажем, композитор написал песню, ставшую потом очень популярной, то исполнение ее даже в самом захудалом ресторанчике принесит автору деньги. Не много (пять копеек, по-моему), но когда эти «пятак» текут со всей страны, то суммы получаются очень большие.

Я считаю это несправедливым и ненормальным.

Беда вся в том, что у нас нет четкой, продуманной гонорарной системы. Скажу об исполнителях. Вот записал я, например, диск-гигант. Звучит он тридцать восемь минут. За минуту звучания я как исполнитель получаю 8 рублей. Причем никого не интересует, сколько ты ее дней или месяцев писал? Как ты это организовал? Как (и где) твой коллектив жил все это время? Кто за это платил (многим ведь приходится приезжать на «Мелодию» из других городов)? Все это твои проблемы. В общем, ты получаешь за эту пластинку (за вычетом известных налогов) 230—240 рублей. И все. Потом она может разойтись тиражом 5 миллионов штук, но это тебе тоже ничего не дает.

Хорошо бы навести здесь порядок, конечно. Тогда, может быть, и сверхзаработков не стало бы...

— Не стало бы, возможно, и слухов вокруг заработков популярных артистов.

— Чувствую, что снова нужно говорить о себе. Сейчас я зарабатываю, в общем, неплохо. Дело в том, что не так давно Пугачеву, Ротару и меня перевели в разряд... оперных певцов. Сделано это было для того, чтобы каким-то образом повысить нашу концертную ставку (других способов не нашлось). Теперь за сольный концерт мы получаем 160 рублей. Но нас таких всего трое в стране. Остальные по-прежнему перебиваются на свои 47 рублей.

Но я вот еще о чем хочу вспомнить. Достаточно много лет (с 1972 по 1979 годы) я был артистом никому не известным и, если откровенно, никому не нужным. Мы с ребятами (у нас тогда была своя группа) месяцами сидели на баклажанной икре и жили в таких тяжелых условиях, что сейчас даже и не верится как-то. Никаких там удобств бытовых у нас не было. И вот мы как-то в Доме колхозника вскладчину купили большое розовое корыто (надо же было в чем-то стирать). И вот это корыто мы несколько лет возили за собой во все поездки. Нас даже узнавали по нему. Так и называли «команда, которая корыто возит». Я эти времена и это корыто никогда не забываю.

И сейчас кое-кому, между прочим, не мешало бы пройти через такое.

— Традиционный вопрос «Автографа». Ваше человеческое и артистическое кредо?

— Скажу названием песни из моего репертуара: я просто певец.

Автограф взял В. КОЛОМИЧУК.

В. Леонтьев